

Михаил Владимирович МОРЕВ¹

УДК 316.653

УГРОЗЫ САМОДОСТАТОЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ*

¹ кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
заведующий лабораторией исследования социальных процессов
и эффективности государственного управления,
Вологодский научный центр РАН
379post@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается социальное здоровье в общественно-политическом контексте, под которым подразумевается характер социального восприятия и социального самочувствия населения, складывающегося в процессе трансформации ключевых тем внутренней и внешней политической повестки. Внимание автора сосредоточено на тенденции укрепления российской самодостаточности, отмечаемой в стране с 2014 г. Рабочая гипотеза исследования заключалась в том, что корни самодостаточности уходят в состояние социального атомизма, которым российское общество характеризовалось в середине 2000-х — начале 2010-х гг. Вследствие этого феномен российской самодостаточности приобретает ряд крайне опасных черт, которые следует четко осознавать, рассматривая самодостаточных россиян как главную социально-демографическую категорию, от которой будет зависеть будущее нашей страны.

Основным информационным источником выступил мониторинг общественного мнения, проводимый Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН) на территории Вологодской области.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-013-01077).

Цитирование: Морев М. В. Угрозы самодостаточности в контексте российских тенденций социального здоровья / М. В. Морев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 2. С. 20-38.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-20-38

Объем выборки — 1,5 тыс. жителей региона в возрасте от 18 лет. Периодичность «волн» мониторинга — один раз каждые два месяца. Метод — анкетирование. Ошибка выборки не более 3%. Опросы проводятся в двух крупных городах (Вологде и Череповце) и 8 муниципальных районах. При проведении опроса учитываются пропорции между численностью населения сельских и городских территорий, половозрастная структура населения региона.

По аналогичной методике в июне 2018 г. был проведен опрос в рамках гранта РФФИ № 18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

Кроме того, в статье широко использованы результаты социологических исследований, проводимых Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), а также Европейского социального исследования (European Social Survey) и международного исследования Edelman Trust Barometer американской компании Edelman.

Ключевые слова

«Самодостаточность», перемены, социальный атомизм, социальное здоровье.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-20-38

Введение

Стремительное развитие мировой цивилизации в послевоенный период и особенно в XXI в. все более отчетливо приводит к осознанию рубежности исторического момента и к пониманию невозможности дальнейшего игнорирования глобальных вызовов, встающих перед будущим человечества. Это касается практически всех стран мира, но в первую очередь относится к ключевым участникам геополитической конкуренции, от которых, по сути, зависит вектор и темпы дальнейшей трансформации мирового сообщества, господствующей политической, экономической, культурно-нравственной парадигмы развития; «ответ» человечества на глобальные вызовы современности.

За последнюю четверть века Российская Федерация — прямая «наследница» проблем и достижений Советского Союза — преодолела гигантский путь от состояния практически полного «выключения» из геополитической борьбы до статуса одного из ключевых центров многополярного мира. При этом следует вспомнить о том, что и сама система координат многополярного мира — тезис, активно отстаиваемый именно Россией; и если 12 лет назад заявление В. В. Путина о том, что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна» [28] многими зарубежными политиками воспринималось скептически, то сегодня это уже очевидная реальность.

Однако вместе с усилением геополитического статуса, так необходимого постсоветскому обществу, хранящему воспоминания о великих достижениях некогда второй (а в некоторых отношениях и первой) мировой державы, Россия все больше погружалась в хаос внутренних и внешних противоречий. Часть из

них являлась следствием естественного хода социальных изменений, связанных как с эволюцией всей мировой цивилизации, так и с чисто российской спецификой, выражающейся в столкновении полностью противоположных ценностей и образа жизни советских поколений с законами бытия «новой России». Другая часть этих противоречий носит, если можно так выразиться, «антропогенный», искусственно создаваемый характер, а точнее является следствием «плюсов» и «минусов» государственного управления, вынужденного лавировать между двумя «очагами», каждый из которых на протяжении всех этих лет требовал максимально высокой концентрации внимания: с одной стороны, реализация курса независимой внешней политики, по понятным причинам не устраивающей действующих «гегемонов» миропорядка; с другой стороны — обеспечение внутренней стабильности и развития в обществе, пребывающем в состоянии коренной перестройки ценностей и правил повседневной жизни.

В эту общую канву социальной трансформации российского общества вписываются более конкретные (хотя и глобальные по своей сути) тренды, так или иначе отражающиеся на жизни каждого человека: напряженная ситуация на Ближнем Востоке, «гибридная война» России и США, актуализация ценностей социального государства, во многом по причине раз за разом возникающих провалов либеральной демократии, и т. д. [15, с. 136].

Усугубляются противоречия между капитализмом, все чаще обнаруживающим свои изъяны в виде экономических, политических, социальных и культурных кризисов, невозможности предьявить адекватные ответы на глобальные вызовы, и социализмом, набирающим обороты под воздействием роста осознания обществом самого себя как активного актора изменения социальной реальности [14, 19, 39]. Человечество оказывается перед лицом демографических вызовов (в частности старения населения), усиливающегося социального неравенства [40]. Не меньшую угрозу представляют культурно-нравственные ценности, значительным образом «пошатнувшиеся» в условиях глобализации, политики «толерантности» и широкого наплыва мигрантов в Европу, что непосредственным образом связано с ситуацией на Ближнем Востоке и, по большому счету, все с тем же кризисом либерально-капиталистической системы ценностей.

Основная часть

Почему в этих условиях именно социальное здоровье привлекло наше внимание?

В настоящее время не требует доказательств тот факт, что главным фактором развития является человеческий капитал и различные его аспекты. Происходит актуализация неэкономических факторов развития [4; 38; 30, с. 32], интеллект приобретает ключевую роль в «экономике знаний» [33, 41-43] и ложится в основу производства высоких технологий [20, с. 14]; информация становится краеугольным камнем коммуникаций на всех уровнях, а ее восприятие — орудием в «гибридной войне» и важнейшим инструментом ведения в том числе и внутренней государственной политики, возникают «новые информационные методы управления обществом» [13, с. 153]; в критерии эффективности госу-

дарственного управления все чаще добавляются субъективные оценки населения [17], поэтому не случайно, например, в научном сообществе и в управленческой практике активно разрабатывается феномен «счастья» как альтернативный индикатор развития в дополнение к уже не справляющимся со своей задачей «традиционным» макроэкономическим показателям.

Соответственно здоровье человека и здоровье общества, являясь фундаментом человеческого потенциала, привлекает к себе все большее внимание. Причем по мере усложнения и преумножения различных факторов развития общественных отношений в соответствующей прогрессии возрастают и риски здоровья, и само понимание его структуры. Классическое деление здоровья Всемирной организацией здравоохранения на «физическое, душевное и социальное» [32] уже не соответствует существующим вызовам; возрастает внимание к другим его компонентам: биологическому, демографическому, экологическому, физическому, репродуктивному, психическому, эмоциональному, духовно-нравственному, когнитивному, культурологическому, экономическому, социальному [37, с. 11].

Значимость каждого из них переоценить невозможно, однако только социальное здоровье, на наш взгляд, обладает комплексным характером и может выступать индикатором развития всех прочих компонентов здоровья общественного, *поскольку является показателем уровня адаптации личности к социуму и социума — к существующим условиям и вызовам социальной реальности* [37, с. 11]. Это фундамент, и только на его основе можно говорить о необходимости развития когнитивного здоровья для нужд, например, экономики, репродуктивного здоровья — для увеличения численности населения или духовно-нравственного — для сохранения основ здравого смысла в условиях, когда подвергаются сомнению и зачастую стремительно разрушаются, казалось бы, незыблемые культурно-нравственные нормы.

Многочисленные попытки философов, социологов, экономистов, психологов дать дефиницию социальному здоровью [1, 2, 11, 35] говорят, во-первых, об актуальности связанного с ним круга вопросов, во-вторых — о существовании определенных границ предметного поля, очерчиваемых, в первую очередь, процессом социальной адаптации, которая «на социетальном уровне выступает в качестве механизма трансформационного процесса, а точнее — одного из наиболее общих механизмов самоорганизации и саморазвития социума» [9].

Сегодня социальное здоровье нередко связывают с процессом социализации личности и потому говорят о нем применительно к детско-подростковому возрасту [3, 8, 12, 24]. Однако, не умаляя важности данного контекста, отметим все же, что в дискурсе современных глобальных и национальных вызовов, перед которыми находится Россия и российское общество, гораздо более важным представляется иной ракурс — общественно-политический, под которым мы подразумеваем создаваемые государством условия жизни, на фоне которых формируется определенная повестка общественно-политических запросов. *Насколько «здоровыми» являются взаимоотношения общества и государства,*

условия для самореализации личности (в том числе на поприще гражданского участия), общий психологический фон, с которым люди воспринимают ситуацию в стране, свое окружение, свое будущее и т. д. — примерно эти вопросы мы вкладываем в суть содержания социального здоровья и считаем такой подход особенно актуальным на современном этапе развития страны.

В этом контексте следует обратить внимание на две относительно новые тенденции, наблюдающиеся в российском обществе: рост доли людей, считающих, что перемены для страны сегодня важнее, чем стабильность (рис. 1), и рост числа «самодостаточных» россиян (рис. 2).

Кто такие «самодостаточные» россияне? Это люди, которые по разным причинам стараются решать свои проблемы самостоятельно, не ожидая помощи государства, причем во многом из-за того, что попросту не верят в ее эффективность [18, с. 43]. Как показывают результаты российских исследований, к категории «самодостаточных» относятся прежде всего представители молодых возрастных категорий, обладающие деловой предприимчивостью, материальной и социальной успешностью [23, с. 15].

Примечательно, что обе указанные тенденции отмечаются с 2014 г., и очевидно, что их катализаторами выступили события «крымской весны», «оформившие» новый общественный договор — патриотический, пришедший на смену «беловежскому консенсусу» [27], который (по некоторым оценкам) разделяют «от 85 до 95% граждан страны» [10].

Устойчивый рост «самодостаточности» и потребности в переменах постепенно накапливали критическую массу и к 2018 г., во многом, обеспечили В. В. Путину рекордную поддержку на президентских выборах, поскольку суть и содержание предвыборного Послания Президента Федеральному собранию

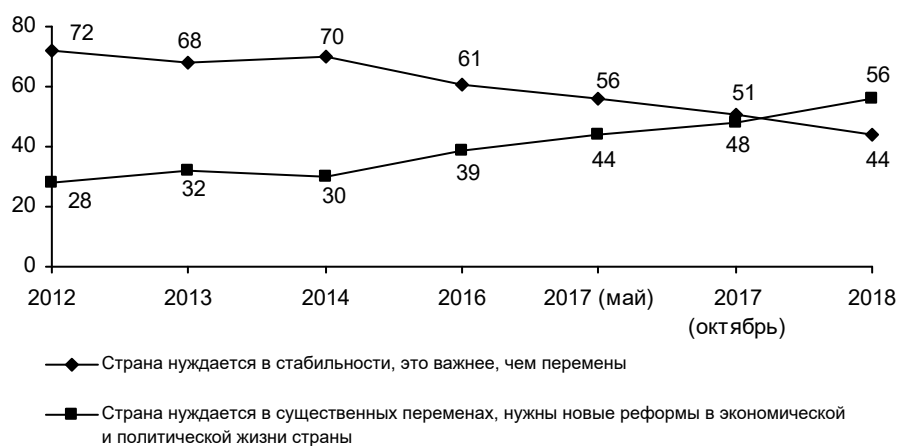

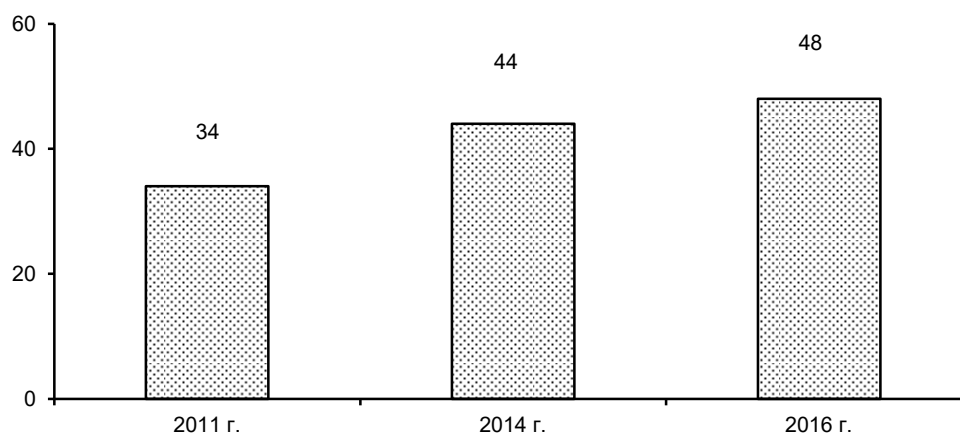
Рис. 1. Динамика ориентаций россиян на стабильность и перемены (в % от числа опрошенных)
Источник: [17, с. 42].

Fig. 1. Dynamics of Russians' orientation to stability and change (as % of the respondents)
Source: [17, p. 42]

РФ (так же как и последующие «майский указ» и национальные проекты) целиком и полностью соответствовали растущей потребности общества в том, чтобы «решать проблемы в своем собственном доме» [29].

Немаловажно понимать, что обе тенденции, о которых идет речь, возникли не случайно, а являются логичным продолжением социальной трансформации всего постсоветского периода: начиная с распада Советского Союза, который «разорвал поступательное развитие государства и общества» [31, с. 14], через кризисный (во всех смыслах этого слова) период «лихих 90-х» и последующий период десятилетней адаптации «тучных 2000-х», когда была достигнута определенная стабильность в политической системе и экономической ситуации, что привело к появлению значительного количества россиян, для которых стабильность перестала быть «априорной ценностью» [18, с. 43].

Ученые обращают внимание на то, что в лице самодостаточных россиян российское общество «обретает серьезную социальную опору для стабильного и устойчивого состояния и развития...» [22, с. 8]. Однако, на наш взгляд, в росте «самодостаточности» российского общества проявляются многие признаки социального атомизма, о котором ученые говорили еще в начале 2010-х гг., не позволяющие трактовать данный процесс однозначно в позитивном ключе. Речь идет о «приоритетности личных интересов» [7], о «концентрации усилий на создании комфортной микросреды обитания» [16] и «понижении уровня

Рис. 2. Динамика доли «самодостаточных» россиян (в % от числа опрошенных).
Формулировка вопроса: «Готовы ли Вы обеспечивать себя и свою семью без поддержки государства?».
Вариант ответа: «Я смогу сам обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке со стороны»
Источник: [20, с. 30].

Fig. 2. Dynamics of the share of “self-sufficient” Russians (as % of the respondents)
The question: “Are you ready to provide for your family and yourself without the support of the state?”
Response option: “I can provide for my family and myself, and I don’t need support from outside”
Source: [20, p. 30].

самоидентификации людей до элитных групп, корпораций, круга друзей, семьи» [36, с. 23].

Что вынуждает нас приходиться к этому выводу?

Во-первых, по данным и международных, и российских, и региональных исследований, в российском обществе сохраняется крайне низкий уровень межличностного доверия, социального капитала и ощущения возможности людей влиять на положение дел в стране и регионе.

Так, результаты Европейского социального исследования за период с 2008 по 2016 г. показывают, что Российская Федерация, «обогнав» Словению и Польшу, лишь немногим улучшила свое место в рейтинге стран Старого Света по различным показателям, характеризующим уровень межличностного доверия. В целом же по данному показателю она была и остается в числе аутсайдеров (таблица 1).

Таблица 1

Место России среди европейских государств по некоторым показателям, характеризующим уровень межличностного доверия (позиции в рейтинге)*

Table 1

Russia's place among European countries on some indicators characterizing the level of interpersonal trust (position in the ranking)*

Страны	Вы считаете, что большинству людей можно доверять или даже излишняя осторожность не мешает?		Большинство людей постарались бы Вас использовать, или же люди постараются вести себя с Вами честно?		Люди стараются помогать другим, или они чаще всего заботятся только о себе?	
	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.	2008 г.	2016 г.
1	2	3	4	5	6	7
Норвегия	1	1	1	1	1	1
Швеция	3	3	3	3	2	2
Финляндия	2	2	2	2	3	3
Ирландия	6	7	6	7	4	4
Швейцария	5	5	5	5	5	5
Великобритания	9	10	11	11	7	6
Нидерланды	4	4	4	4	6	7
Израиль	8	8	12	12	10	8
Германия	11	9	7	6	9	9
Эстония	7	6	10	8	8	10

Окончание таблицы 1

Table 1 (end)

1	2	3	4	5	6	7
Словения	14	15	14	15	11	11
Чехия	12	12	13	13	12	12
Франция	13	13	9	9	13	13
Россия	16	14	15	14	15	14
Бельгия	10	11	8	10	14	15
Польша	15	16	16	16	16	16

Примечание: * Ранжировано по убыванию рейтинга 2016 г. по вопросу «Люди стараются помочь другим, или они чаще всего заботятся только о себе?».
Источник: рассчитано автором по базе данных Европейского социального исследования [6].

Note: * Ranked according to 2016 ranking descending on the question “Do people try to help others, or do they most often care only about themselves?”
Source: calculated by the author based on the European Social Survey database [6].

По данным исследований, проведенных на территории Вологодской области, за период с 2010 по 2018 г. большинство жителей региона говорили о том, что доверять могут лишь представителям своего ближайшего окружения (родственники, друзья; 57-65%). Каждый четвертый (25-28%) говорит о том, что сегодня никому нельзя доверять (таблица 2).

Таблица 2

Уровень межличностного доверия
(в % от числа опрошенных)*

Table 2

Level of interpersonal trust
(as % of the respondents)

Показатель	2010	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4	55,7	61,1	64,2	56,6
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9	23,5	25,5	24,8	27,0
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2	12,6	11,0	10,0	13,3
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1	2,5	2,4	1,0	1,9

Примечание: * Вопрос задается 1 раз в год. Формулировка вопроса: «Кому Вы можете доверять?».

Note: * The question is asked once a year as follows: “Who can you trust?”

О сохраняющемся низком уровне социального капитала также свидетельствуют и российские ученые [26], и результаты наших исследований: от 50 до 80% жителей Вологодской области в случае возникновения жизненных трудностей готовы обратиться за помощью к членам семьи, родственникам или друзьям, однако к другим категориям (куда вошли «соседи по дому», «коллеги по работе», «земляки», «единоверцы», «прохожие на улице», «руководитель», «подчиненные», «члены организации» или интернет-сообществ, в которых состоит респондент) готовы обратиться за помощью не более 20% населения¹.

Кроме того, по данным на 2018 г.:

- лишь 25% населения Вологодской области говорят о том, что в стране и регионе отмечается «больше согласия и сплоченности, чем несогласия и разобщенности» (противоположного мнения придерживаются 44% респондентов);
- более 80% респондентов отмечают, что «могут повлиять на положение дел в своей семье», однако на положение дел в своем городе, области, стране оказать влияние могут только 5-10% населения;
- 48% опрошенных нами респондентов не готовы к совместным действиям с другими людьми для достижения общих целей и интересов (иную точку зрения разделяют только 23% жителей региона).

Во-вторых, рост «самодостаточности» не сопровождается принципиальными изменениями ни в структуре наиболее актуальных проблем, волнующих население, ни в самой политической системе, которая была и остается управляемой в «ручном режиме».

По поводу первого тезиса можно привести данные о том, что, по результатам наших исследований, на протяжении периода с 1999 по 2018 г. в «пятерку» наиболее острых проблем жителей региона всегда входили проблемы, связанные с низким уровнем жизни и высоким уровнем социального расслоения. Причем их актуальность для населения продолжает усиливаться (в отличие, например, от таких проблем, как рост криминалитета, безработица и др.). Так, удельный вес жителей региона, считающих актуальной проблему инфляции, за последние 18 лет возрос на 10%, неравенства по доходам — на 8%, коррупции — на 7%.

В доказательство тезиса об уязвимости «ручного режима» управления политической системой можно сказать о том, что при сохранении высокого уровня доверия лично к В. В. Путину (как за его безусловные заслуги перед страной, так и вследствие ментальных особенностей российского общества [25]), отношение общества к политической системе в целом далеко не так однозначно. В частности, «каждое нижестоящее звено вертикали власти уступает в уровне поддержки вышестоящему» [23, с. 15]. При этом регулярные коррупционные скандалы, различные высказывания и поступки представителей власти, демонстрирующие пренебрежительное отношение к населению, и, конечно же, тра-

¹ Опрос проведен в рамках гранта РФФИ № 18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества» в июне 2018 г.

гические события, вызванные то ли халатностью, то ли сознательным поведением отдельных управленцев, — все это тоже является издержками, мягко говоря, неэффективного функционирования политической системы в режиме «ручного управления».

В-третьих, исследование «самодостаточных» россиян, проведенное учеными ИС РАН, свидетельствует об их более высокой готовности поступиться морально-нравственными нормами в угоду своим личным интересам (таблица 3). Это явно не та черта, которую бы хотелось видеть в образе России будущего. «Группа „самодостаточных“, — отмечают эксперты, — не может добиться успеха без отказа от моральных ориентиров... и это следует рассматривать как весьма тревожный сигнал, как признак того, что общество несет в себе серьезный саморазрушительный заряд» [5].

По итогам опроса, проведенного в Вологодской области, мы получили в целом аналогичную картину: представители молодежи в возрасте до 30 лет (главные «носители» самодостаточности) чаще, чем представители других возрастных категорий (30-60 и старше 60 лет), высказывают мнение о том, что для российского менталитета характерны индивидуализм (24%), хитрость (19%) и жадность (17%). При этом они более лояльно относятся к таким явлениям, как употребление

Таблица 3

Морально-нравственные установки «самодостаточных» и «зависимых» россиян (2015 г., % от числа ответивших)

Table 3

Moral attitudes of “self-sufficient” and “dependent” Russians (2015, as % of the respondents)

Установки	«Самодостаточные»	«Зависимые»
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	54	49
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные нормы	46	51
Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы уже устарели	47	39
Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны	53	61
Мораль и нравственность — это сфера частной жизни человека, и государство не должно в нее вмешиваться	42	29
Поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе невозможно без участия государства	58	72

Источник: [5].

Source: [5].

наркотиков (18% считают это допустимым), самоубийство (16%), супружеская измена (35%), измена Родине (23%), злоупотребление алкоголем (39%), деловая неисполнительность (45%), некультурное поведение (45%), использование служебного положения в личных целях (43%), нарушение закона (39%)¹.

Наконец, **четвертый** момент. «Утрата личностной связи с Россией», «утрата цивилизационной специфики», «утрата пассионарности» [16] — всё это — угрозы социального атомизма, о которых говорили ученые в 2010-х гг., еще до «крымских событий». «За годы реформ наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них ранее энергетику „большой цели“. А ведь она позволяла им неоднократно совершать, казалось бы, невозможное — достаточно вспомнить индустриализацию страны, восстановление ее экономики после Великой Отечественной войны, прорыв в космос и многое другое, чем до сих пор справедливо гордятся россияне» [16].

Можно ли считать, что эти процессы и угрозы «ушли» вместе с приходом «самодостаточных» россиян? Или они остаются, но мы смотрим на них уже совершенно иначе — не как на проблему, а как на специфические особенности социальной трансформации?..

В конечном итоге, учитывая «корни» российской «самодостаточности», на наш взгляд, к данному процессу следует относиться с большой настороженностью. Он в равной степени может являться как новым этапом последовательного исторического развития постсоветской России, так и углублением негативных процессов начала 2010-х гг. (социального атомизма). И в этом случае вектор социальной трансформации российского общества может быть кардинально противоположным.

Нельзя не сказать о том, что, будучи характеристикой представителей прежде всего молодых возрастных категорий, самодостаточность (по крайней мере в авторском понимании этого явления) тесно связана с вечным конфликтом «отцов и детей». Действительно, в истории человечества, пожалуй, нет таких периодов, когда бы креатив и юношеский напор в преобразовании окружающего мира, свойственный молодежи, не был бы встречен представителями старшего поколения скептически или даже резко отрицательно. Этот мотив хорошо известен. Однако есть одно обстоятельство, категорически отличающее современную мировую цивилизацию от всех предыдущих эпох человеческой истории. Это Интернет — глобальная мировая площадка коммуникации, упрощающая и ускоряющая обмен информацией до одного клика «мышью», причем между абсолютно любыми субъектами. Эта особенность очередного изобретения человечества приводит к максимально быстрой трансформации любой (как негативной, так и позитивной) информации из разряда сведений в разряд идеи и ценности, что «размывает» почву существующих культурно-нравственных норм

¹ Опросы проводились Вологодским научным центром РАН в 2008 и 2013 гг.

(сначала на индивидуальном, а потом и на общественном уровнях). Причем делает это так быстро, что в скором времени уступает место другой идее, и следующей, и так далее, пока не успевающее адаптироваться к этому турбулентному процессу человечество (особенно молодежь) не приходит к пониманию того, что «ничто не вечно под луной»: никакая из существующих на сегодняшний день истин не является безоговорочной и не может не быть подвергнута сомнениям, а следовательно, ценностью является только собственная жизнь здесь и сейчас, свои цели, интересы, окружение и т. д.

В этом смысле глобальные тенденции на стирание гендерных и возрастных границ не многим отличаются от таких фактов нашей российской действительности, как гонки «мажоров» на гелендвагене, избияния врачей или пренебрежительные высказывания государственных чиновников в адрес общества, которому они, по идее, служат. Отметим, что это общая черта именно западной цивилизации, «запутавшейся» в социальных сетях, и именно представителей молодых поколений, воспринимающих социальную реальность не через призму своей устоявшейся, эволюционно сформированной структуры духовно-нравственных ценностей, а динамично впитывающих не менее динамично и хаотично меняющиеся потоки информации. Сегодня молодые государственные управленцы (как отмечают некоторые эксперты) «в лучшем случае знают, как управлять корпорациями или общественными организациями, они реально не знают, чем логика государства отличается от логики корпорации» [34].

Выводы

Самодостаточность, в принципе, важная характеристика, необходимая современному российскому обществу, стоящему на пороге больших перемен и трудных задач, заложенных в «майском указе» президента. Немаловажно подчеркнуть, что в 2024 г. заканчивается последний (по действующей Конституции) президентский срок В. В. Путина, и, скорее всего, это будет совершенно новая глава в российской истории, поскольку то, что представляет собой современная Россия, — это заслуга одного человека, и другого успешного исторического опыта у современных поколений наших соотечественников просто нет. Поэтому независимость и самодостаточный взгляд на происходящие в стране и в мире явления и процессы — важное условие, необходимое для того, чтобы в новом политическом цикле общество и власть с самого начала вели конструктивный диалог (наличие которого на сегодняшний день весьма сомнительно, если мы вспомним о пенсионной, «мусорной» реформе, повышении НДС и других нововведениях 2018-2019 гг.).

Однако «ловушка» для российского общества заключается в том, что обладание свойствами самодостаточности (успешностью, независимостью, целеустремленностью и т. д.) является самоцелью, что обусловлено длительным, многолетним «застоем — стабильностью» в динамике уровня и качества жизни. Так же как 70-летие коммунистической эпохи незаметно вынудило российское общество кидаться в противоположную крайность — вещизм и потребление всего заграничного, и лишь спустя примерно 10-15 лет пришло понимание того, что не всё зарубежное на российском рынке является товаром высокого качества.

В этих условиях, на наш взгляд, следует понимать и иметь в виду, что зависимость (как антипод самодостаточности) — явление нормальное и даже в большей степени свойственное русскому менталитету, который, в отличие от менталитета общества западной цивилизации, складывался не в условиях индивидуального выживания Дикого Запада, а в условиях взаимовыручки в борьбе с климатическими особенностями, набегами печенегов и т. д.

Поэтому стихийность процесса укрепления самодостаточности, произрастающей из политической апатии широких слоев населения и стойкого ощущения невозможности оказывать влияние на положение дел в стране (что подтверждается и региональными, и федеральными, и зарубежными исследованиями), вполне понятна. Однако независимость от государства и, соответственно, самоустранение от проблем общественно-политического характера — такая же «ловушка», как и патерналистские установки, рассматриваемые сегодня как «балласт» в прорывном движении России к светлому будущему. Зависимость общества от государства нормальна и естественна, особенно на фоне понимания значимой роли государства в регулировании экономики, социальной сферы и т. д. Другой вопрос — справляется ли государство с возложенными на него обязанностями. Так же как вполне нормальна зависимость внутри профессионального коллектива от производительности и качества труда отдельных его членов или, например, зависимость различных профессиональных групп от возможности пользоваться в своей повседневной жизни результатами труда друг друга и т. д.

В настоящее же время самодостаточность в большей степени воспринимается как достижение индивидуального успеха — максимально независимо от каких-либо других субъектов, а зачастую и вопреки их интересам. На наш взгляд, это социальный атомизм в самом классическом своем проявлении, и нет большой разницы в том, как называть это явление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабинцев В. П. Проблема формирования категориального аппарата понятия «социальное здоровье» / В. П. Бабинцев, Л. В. Колпина // Научные ведомости. 2008. № 12 (52). С. 49-67.
2. Байкова Л. А. Исследование социального здоровья детей и учащейся молодежи: теоретико-методологические основы / Л. А. Байкова // Педагогическое образование и наука. 2006. № 3. С. 59-63.
3. Гафиатулина Н. Х. Социальное здоровье и социализация российской студенческой молодежи / Н. Х. Гафиатулина // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 175-180.
4. Горшков М. К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост / М. К. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 45-56. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.4
5. Горшков М. К. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты / М. К. Горшков, Н. Н. Седова // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4-16.

6. Европейское социальное исследование в России. URL: <http://www.ess-ru.ru>
7. Жуков В. И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз / В. И. Жуков // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 29-40.
8. Зритнева Е. И. Проблемы социального здоровья современных подростков / Е. И. Зритнева, Н. П. Клушина // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 1. С. 62-67.
9. Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период / П. М. Козырева // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 24-35.
10. Куликов Д. Е. Крымский консенсус: политический смысл и значение / Д. Е. Куликов // РИА-новости. 2015. 24 марта. URL: <https://ria.ru/20150324/1054181774.html>
11. Максимова Т. М. Социальный градиент в формировании здоровья населения / Т. М. Максимова. М.: ПЕР СЭ, 2005. 240 с.
12. Мали Н. А. Проблема формирования социального здоровья младших школьников / Н. А. Мали // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 863-867.
13. Малинецкий Г. Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего / Г. Г. Малинецкий // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 152-161.
14. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мамфорд. М.: Логос, 2001. 416 с.
15. Марков А. П. Современная цивилизация и глобальные вызовы будущего / А. П. Марков // Человек. 2017. № 6. С. 136-149.
16. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.
17. Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (утвержден Указом Президента РФ от 14 ноября 2017 г. № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»). URL: https://base.garant.ru/71809662/#block_51
18. Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены / В. В. Петухов // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40-53.
19. Полянй К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / К. Полянй; пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова, А. П. Шурбелева; под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. 313 с.
20. Рождественский О. И. Слияние миров / О. И. Рождественский // Эксперт Северо-Запад. 2019. № 2. С. 14.
21. Российское общество весной 2016 г.: тревоги и надежды // Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. М.: Институт социологии РАН, 2016. 32 с.
22. Российское общество в контексте новых реалий // Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. М.: Институт социологии РАН, 2014. 58 с.
23. Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? / Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. М.: Институт социологии РАН, 2015. 23 с.
24. Сидельник Э. А. Социальное здоровье молодежи как фактор стабильности общественного развития и национальной безопасности России: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Э. А. Сидельник. Ростов-на-Дону, 2007. 24 с.

25. Симонян Р. Х. Есть ли особый «русский путь»? (полемиические заметки) / Р. Х. Симонян // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 137-148.
26. Стабильность или перемены? Чего граждане России ждут от государства? (материалы интервью директора ИС РАН М. К. Горшкова) // Аргументы и факты. 2018. 1 авг. № 31.
27. Стариков Н. В. От Беловежского консенсуса к консенсусу Крымскому // Блог Н. Старикова. 2017. 14 мая. URL: <https://nstarikov.ru/blog/80284>
28. Стенограмма выступления В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. // Президент России: оф. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
29. Стенограмма прямой линии с В. Путиным от 16 апреля 2015 г. // Президент России: оф. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261>
30. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение — феномен социологической теории и практики / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21-34.
31. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. Ч. 1. 668 с.
32. Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения (1946 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901977493>
33. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: Доклад Всемирного банка. М.: Весь Мир, 2003.
34. Хазин М. Осторожно: политологи / М. Хазин // Завтра. 2019. 02 мая. URL: http://zavtra.ru/blogs/ostorozhno_politologi
35. Цикалюк Е. В. Основные теоретические подходы к осмыслению сущности социального здоровья / Е. В. Цикалюк // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2009. С. 185-190.
36. Чугуенко В. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения / В. М. Чугуенко, Е. М. Бобкова // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 15-23.
37. Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография / А. А. Шабунова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
38. Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) / В. А. Ядов // Общество и экономика. 1999. № 10-11. С. 45-55.
39. Calhoun C. Does Capitalism Have a Future? / C. Calhoun, G. Derluguian, I. Wallerstein, M. Mann, R. Collins. Oxford University Press, 2013. 191 p.
40. Novokmet F. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905-2016 / F. Novokmet, T. Piketty, G. Zucman // National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA, August 2017. 79 p. DOI: 10.3386/w23712
41. Knowledge Economy II Forum “Implementing Knowledge Economy Strategies: Innovation, Life-Long Learning, Partnerships, Networks, and Inclusion”. Helsinki, 2003, March 25-28.
42. The New Knowledge Economy in Europe. A Strategy for International Competitiveness and Social Cohesion / ed. by M. J. Rodrigues, E. Elgar. Pbl., 2002.
43. World Development Report (1998/99): Knowledge for Development. New York: Oxford University Press, 1999.

Mikhail V. MOREV¹

UDC 316.653

**THREATS TO SELF-SUFFICIENCY IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN SOCIAL HEALTH TRENDS***

¹ Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Head of the Laboratory
for Study of Social Processes and Public Administration Efficiency,
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
379post@mail.ru

Abstract

The article considers social health in the socio-political context, which refers to the nature of social perception and social well-being of the population, emerging in the process of transformation of the key issues of internal and external political agenda. The authors' attention is focused on the trend of Russia strengthening its self-sufficiency observed in the country since 2014. The hypothesis of the study involved that the roots of self-sufficiency go to the state of social atomism, which characterized Russian society in the mid-2000s — early 2010s. As a result, the phenomenon of Russian self-sufficiency acquires a number of extremely dangerous features that we should clearly be aware of, considering self-sufficient Russians as the main socio-demographic category on which the future of our country will depend.

The main information source was the monitoring of public opinion conducted by the Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (FSBIS VolRC RAS) in the Vologda Region since 1996 at intervals of 1 every 2 months. The authors polled 1,500 respondents 18 years of age and older in Vologda and Cherepovets, in Babaevsky, Veliky Ustyug, Vozhegodsky, Gryazovetsky, Kirillovsky, Nikolsky, Tarnogsky, Sheksninsky districts. The representativeness of the

---

* The research was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR)
(grant no 18-013-01077).

Citation: Morev M. V. 2019. “Threats to self-sufficiency in the context of Russian social health trends”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 2, pp. 20-38.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-20-38

sample is ensured by the following conditions: the proportions between urban and rural population; the proportions between the inhabitants of settlements of different types (rural settlements, small and medium-sized cities); sex and age structure of the adult population of the region. The survey took place at the respondents' residences. Sampling error does not exceed 3%.

According to a similar methodology, in June 2018, a survey was conducted within the framework of RFBR grant no 18-013-01077 "Development of the methodological approach to assessing the social health of a transforming society".

In addition, the article relies largely on the results of the sociological research conducted by the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (FRSC RAS) as well as the European Social Survey and the international study Edelman Trust Barometr of the American company Edelman.

Key words

"Self-sufficiency", change, social atomism, social health.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-20-38

REFERENCES

1. Babintsev V. P., Kolpina L. V. 2008. "The problem of the formation of the categorical apparatus of the 'social health' concept". *Nauchnyye vedomosti*, no 12 (52), pp. 49-67. [In Russian]
2. Baykova L. A. 2006. "Study of the social health of children and young students: theoretical and methodological foundations". *Pedagogical Education and Science*, no 3, pp. 59-63. [In Russian]
3. Gafiatulina N. Kh. 2014. "Social health and socialization of Russian young students". *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, no 11, pp. 175-180. [In Russian]
4. Gorshkov M. K. 2014. "On the axiomatic interpretation of the influence of non-economic factors on the economic growth". *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no 3, pp. 45-56. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.4 [In Russian]
5. Gorshkov M. K., Sedova N. N. 2015. "'Self-sufficient' Russians and their life priorities". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 12, pp. 4-16. [In Russian]
6. European Social Survey. <http://www.ess-ru.ru> [In Russian]
7. Zhukov V. I. 2008. "Russia in the global system of social coordinates: sociological analysis and forecast". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 10, pp. 29-40. [In Russian]
8. Zritneva E. I., Klushina N. P. 2010. "Problems of social health of modern adolescents". *Science. Innovations. Technologies*, no 1, pp. 62-67. [In Russian]
9. Kozyreva P. M. 2011. "Social adaptation of the Russian population in the post-Soviet period". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 6, pp. 24-35. [In Russian]
10. Kulikov D. E. 2015. "Crimean consensus: political sense and meaning". *RIA-novosti*, 24 March. <https://ria.ru/20150324/1054181774.html> [In Russian]
11. Maksimova T. M. 2005. *Social Gradient in Shaping Public Health*. Moscow: PER SE. [In Russian]

12. Mali N. A. 2012. "The problem of the formation of social health of younger pupils". *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, no 28, pp. 863-867. [In Russian]
13. Malinetskiy G. G. 2015. "Interdisciplinary ideas in sociology and the challenges of the future". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 4 (372), pp. 152-161. [In Russian]
14. Mumford L. 2001. *Machine's Myth. Technique and Human Development*. Moscow: Logos. [In Russian]
15. Markov A. P. 2017. "Modern civilization and global challenges of the future". *Chelovek*, no 6, pp. 136-149. [In Russian]
16. Gorshkov M. K., Krumm R., Tikhonova N. E. (eds.). 2013. *What Do Russians Dream About: Ideal and Reality*. Moscow: Ves' Mir. [In Russian]
17. RF President Decree of 14 November 2017 No 548 "On the Evaluation of the Effectiveness of the Executive Authorities Activities of the Subjects of the Russian Federation". The list of indicators to assess the performance of the executive authorities of the Russian Federation. https://base.garant.ru/71809662/#block_51 [In Russian]
18. Petukhov V. V. 2018. "Dynamics of social attitudes of Russians and the formation of the request for change". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 11, pp. 40-53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5 [In Russian]
19. Polanyi K. 2002. *The Great Transformation. Political and Economic Origins of our Time*. Translated from English by A. A. Vasilev, S. E. Fedorova, A. P. Shurbeleva, edited by S. E. Fedorov. Saint Petersburg: Aletyya. [In Russian]
20. Rozhdestvenskiy O. I. 2019. "Merge of worlds". *Ekspert Severo-Zapad*, no 2, p. 14. [In Russian]
21. IS RAS. 2016. "Russian society in spring 2016: worries and hopes". In: *Informational and Analytical Summary on the Results of the All-Russian Study*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
22. IS RAS. 2014. "Russian society in the context of new realities". In: *Informational and Analytical Summary on the Results of the All-Russian Study*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
23. IS RAS. 2015. "Russian everyday life in times of crisis: how do we live and what do we feel?" In: *Information and Analytical Summary of the National Study*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
24. Sidelnik E. A. 2007. "Social health of young people as a factor of the stability of the social development and national security of Russia". *Cand. Sci. (Soc.) diss. abstract*. Rostov-on-Don. [In Russian]
25. Simonyan R. Kh. 2013. "Is there a special 'Russian way'? (polemical notes)". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 7, pp. 137-148. [In Russian]
26. *Argumenty i fakty*. 2018. "Stability or change? What do Russian citizens expect from the state? (materials of the interview with the director of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences M. K. Gorshkov)". *Argumenty i fakty*, no 31, 1 August. [In Russian]
27. Starikov N. V. 2017. "From the Białowieża Consensus to the Crimean Consensus". *Blog N. Starikova*, 14 May. <https://nstarikov.ru/blog/80284> [In Russian]
28. The President of Russia: official website. "Transcript of V. Putin's speech at the Munich Security Conference on 10 February 2007". <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> [In Russian]

29. The President of Russia: official website. "Transcript of a live call-in show with V. Putin of 16 April 2015". <http://kremlin.ru/events/president/news/49261> [In Russian]
30. Toshchenko Zh. T. 1998. "Social mood — the phenomenon of sociological theory and practice". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 1, pp. 21-34. [In Russian]
31. Toshchenko Zh. T. 2015. *Phantoms of the Russian Society*, ch. 1. Moscow: Center of Social Forecasting and Marketing. [In Russian]
32. World Health Organization Constitution of 1946. Elektronnyy fond pravovoy i normativno-tehnicheskoy dokumentatsii. <http://docs.cntd.ru/document/901977493> [In Russian]
33. The World Bank. 2003. *Constructing Knowledge Societies: New Challenges for Tertiary Education*. Moscow: Ves' Mir. [In Russian]
34. Khazin M. 2019. "Caution: political scientists". *Zavtra*, 2 May. http://zavtra.ru/blogs/ostorozhno_politologi [In Russian]
35. Tsikalyuk E. V. 2009. "Basic theoretical approaches to understanding the essence of social health". *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series: Sociological Sciences*, pp. 185-190. [In Russian]
36. Chuguenko V. M., Bobkova E. M. 2013. "New trends in the study of social well-being of the population". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 1, pp. 15-23. [In Russian]
37. Shabunova A. A. 2010. *Population Health in Russia: State and Dynamics*. Monograph. Vologda: Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
38. Yadov V. A. 1999. "Russia as a transforming society (summary of many years of sociological discussion)". *Society and Economy*, no 10-11, pp. 45-55. [In Russian]
39. Calhoun C., Derluguian G., Wallerstein I., Mann M., Collins R. 2013. *Does Capitalism Have a Future?* Oxford University Press.
40. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. 2017. "From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905-2016". National Bureau of Economic Research, August. Cambridge, MA. DOI: 10.3386/w23712
41. Knowledge Economy II Forum "Implementing Knowledge Economy Strategies: Innovation, Life-Long Learning, Partnerships, Networks, and Inclusion", 25-28 March 2003, Helsinki.
42. Rodrigues M. J. (ed.). 2002. *The New Knowledge Economy in Europe. A Strategy for International Competitiveness and Social Cohesion*. Edward Elgar Publishing.
43. The World Bank. 1999. *World Development Report (1998/99): Knowledge for Development*. New York: Oxford University Press.